Эпистемология и философия науки
2025. Т. 62. № 2. С. 64–67
УДК 167.7

Epistemology & Philosophy of Science
2025, vol. 62, no. 2, pp. 64–67
DOI: https://doi.org/10.5840/eps202562222

Итоги панельной дискуссии

Цуркан Евгений Геннадьевич – кандидат философских наук, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: unigendeth@gmail.com

Findings of the panel discussion

Evgenii G. Tsurkan – PhD in Philosophy, Researcher. Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for the History and Philosophy of Science”. 1/36 Lyalin lane, bd. 2, Moscow 105062, Russian Federation; e-mail: unigendeth@gmail.com

Выражаю благодарность экспертам, принявшим участие в дискуссии. Их критические замечания раздвигают теоретический горизонт проблемы, подсвечивают ограничения сформулированных моделей, а также открывают дополнительную перспективу. В репликах экспертов хорошо заметен ряд сходных положений, относительно которых, по всей видимости, установился ограниченный консенсус.

1) Несколько дискутантов поддержали мой тезис, что, несмотря на критику, обрушившуюся на модель дефицита, ее нельзя признать выведенной из практики научной коммуникации. А.М. Жаров связывает ее неослабевающую востребованность с сохранением идентичности научного знания, чему дефицитная модель способствует наибольшим образом. Н.Н. Погожина связывает «живучесть» модели дефицита с самой сущностью научной коммуникации. Еще дальше в этом отношении идет Т.Д. Соколова, указывая на то, что отказ от признания общественного «дефицита» научного знания в альтернативных моделях диалога и участия носит по большей части декларативный характер,

© Цуркан Е.Г., 2025

а в действительности все модели научной коммуникации исходят из представления об элитарности научного знания и патерналистской позиции.

2) Обнаружилось согласие в том, что разработку и внедрение новых моделей научной коммуникации не следует рассматривать как эволюционный и необратимый процесс. Разработанные позже по времени модели, несмотря на их появление из критики более ранних, не обладают перед ними неоспоримыми преимуществами и не выводят их из употребления. Все три модели применяются в современных научных коммуникациях, а эффективность применения той или иной модели зависит от конкретных обстоятельств и преследуемых целей.

3) Большинство экспертов, исключением тут отчасти оказывается А.А. Веретенников, не ставят под сомнение дескриптивную адекватность и прескриптивную применимость моделей в описании имеющихся налично научных коммуникаций и к построению новых. Однако большинством экспертов признается необходимость расширения указанных моделей для адекватного описания имеющегося положения дел и эффективного применения в научных коммуникациях.

Эксперты предлагают различные расширения моделей, которые позволят точнее описать существующее положение дел и эффективнее выстраивать научную коммуникацию, а также вводят в модели новые значимые переменные.

А.М. Жаров заостряет внимание на проблеме сохранения идентичности научного знания. Через призму этой проблемы характер научных коммуникаций будет варьироваться по антитетической оси, где крайними позициями будут дефицитная модель, в которой полностью сохраняется идентичность и автономия научного знания, и модель участия, в которой идентичность и автономия утрачиваются. Модель диалога оказывается посередине. Заслуживает внимания предложение циклично чередовать этапы участия и герметизации науки в отношении общества, что в дескриптивном плане добавляет диахронный (временной) аспект в представленные модели, а в прескриптивном предоставляет возможность ученым работать над поставленными задачами без вмешательства извне, но не закрывает науку от внешнего влияния полностью.

А.А. Веретенников критикует представленные модели научной коммуникации за высокую степень абстрактности и игнорирование «феноменологического аспекта» – живого восприятия науки с точки зрения людей за ее пределами. Взамен предлагается собственная версия квазифеноменологического анализа научной коммуникации, посредством которого А.А. Веретенников выделяет достаточно любопытные визуальные образы репрезентации науки: человек в белом халате с пробиркой и человек в поло на публичных популяризаторских лекциях. Отчасти соглашаясь с критикой, следует заметить, что абстрактность модели сама по себе не является и не может являться основанием для отказа или пересмотра, это в прямом смысле слова

критика модели за то, что она модель. Идеальные типы, модели и прочие инструменты высокого уровня абстракции не описывают и не призваны описывать индивидуальные проявления общего принципа. Чем модель более однозначна, тем она содержательно беднее, но тем больший у нее эвристический потенциал.

Н.Н. Погожина делает исследовательский акцент на цифровых медиа, посредством которых осуществляется современная научная коммуникация. Утверждается, что модели дефицита, диалога и участия «…лишь частично отражают новые формы научной коммуникации, базирующиеся на сетевом формате и дигитальных возможностях распространения информации» (с. 34). С этим можно согласиться лишь частично, поскольку из текста остается совершенно неясным, что конкретно не отражают представленные модели. Почему в современной цифровой коммуникации нельзя опираться на одну или несколько из представленных моделей, а требуется создание «каких-то гибридных форм, лучше соответствующих контекстному пониманию научной коммуникации, ориентированных на современные методы распространения информации» (с. 35)? Возможно, это действительно так, но основания данного высказывания нуждаются в прояснении. Также указывается на новое состояние научной коммуникации, описанное в терминах «постправды», которое следует учитывать при построении коммуникации науки в обществе. Заявляется, что этому состоянию свойственно превалирование эмоциональной реакции на научное сообщение над фактической информацией, в нем содержащейся. Если это основная характеристика состояния «постправды», то ее нельзя признать специфической для цифровой коммуникации, поскольку задолго до распространения интернета в контексте аналоговых СМИ исследователями поднималась ровно та же проблема, на что было указано в открывающей статье.

В реплике Т.Д. Соколовой поднимаются две важных проблемы – эпистемической несправедливости и внутринаучной коммуникации. Т.Д. Соколова отмечает, что во всех трех моделях сохраняется презумпция элитарности научного знания, ценности научных компетенций и желание навязать специфические внутринаучные нормы другим сообществам. При реализации любой модели сохраняется так называемая «эпистемическая несправедливость». Соглашаясь с тем, что сохраняется асимметрия обладания научным знанием и доступа к его производству, мы находим термин «эпистемологическая несправедливость» вводящим в заблуждение. Асимметрия в обладании знанием интуитивно представляется «несправедливой» не во всех случаях, лишь в случаях злонамеренности или манипуляции, но тогда это не «эпистемическая несправедливость», а просто «несправедливость». Если я оплачиваю услуги человека, который обладает компетенцией, которой у меня нет, эта ситуация интуитивно не представляется

несправедливой. Например, механик обладает техническими знаниями и умениями, которых у меня нет, но в которых я нуждаюсь, он потратил время на обучение, которого я не тратил, поэтому я вступаю с ним в отношения, которые могут быть вполне справедливыми, если механик не воспользуется моим невежеством, чтобы обмануть. Почему неравное обладание знанием вообще и научным знанием в частности является ситуацией «несправедливости», а не частью разделения труда? Ученые асимметрично обладают научным знанием, другие сообщества и конкретные их члены асимметрично обладают другими ресурсами. Это одна из причин, почему научная коммуникация вообще необходима. Другой важной проблемой, которую поднимает Т.Д. Соколова, являются междисциплинарные разногласия и гетерогенный характер научного сообщества, которое не следует мыслить монолитно. Заостряя тезис, Т.Д. Соколова утверждает, что «без разрешения и/или объяснения внутри- и междисциплинарных разногласий коммуникационные модели наука–общество, сколь бы комплексными они ни были, обречены на неуспех» (с. 56). Следует согласиться с этим очень важным тезисом. Действительно, внутри науки отдельные дисциплины часто оказываются в состоянии конкуренции. Существует и другое важное обстоятельство: ученый, специализирующейся в одной области научного знания, по отношению к другой вполне может оказаться частью той самой «публики», на которую направлена коммуникация, что тоже должно учитываться.

Наличие ограниченного консенсуса среди принявших участие в панельной дискуссии экспертов относительно теоретической адекватности и практической применимости разных моделей научной коммуникации указывает на возможность и плодотворность продолжения исследований в данном направлении. Предложенные экспертами расширения моделей позволят точнее описать существующие российские научные коммуникации и на основании описания наличного положения дел разработать более конкретные и прикладные модели научной коммуникации.